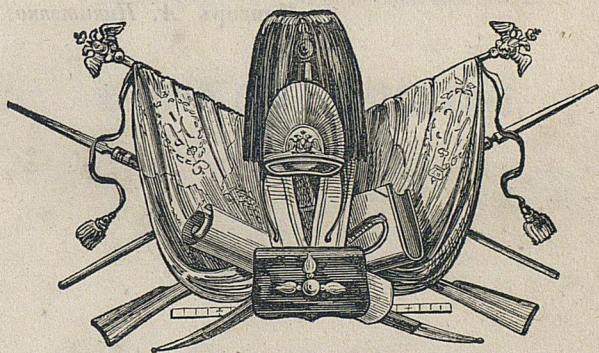

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ № 243.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

П Р О З А.

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ

(Отрывокъ изъ дневника Русскаго офицера, въ Ноябрь 1859 года).

Между тѣмъ, какъ военная экспедиція противъ Хивы подвигалась къ Эмбѣ, мы, окруженные дозоромъ Хивинскихъ посланцевъ, возбуждившихъ противъ насъ враждебныхъ Киргизовъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней оставались неподвижными на Большихъ Барсукахъ, въ аулахъ Чиклинскаго рода, или кружили около нихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы дать время вошикамъ приготовиться въ дальнѣйшій путь, перемѣнить больныхъ верблюдовъ, запастись пищею и проч., и между тѣмъ, какъ тѣ пировали въ своихъ аулахъ, ихъ батыры и старшины пировали въ нашемъ караванѣ, воровали и грабили, слѣдуя повсюду за нимъ со своими аулами.

Пестра и занимательна картина кочевки Киргизскаго аула. Съ вечера, на канунѣ выступленія, въ немъ спокойно и беззаботно; но завтра приходитъ все въ движеніе: мужчины вихремъ несутся по разнымъ направленіямъ степи; старшины отыскиваютъ воду и удобныя пастбища для становья, сторожевые выглядываютъ барантовщиковъ, которые предпочительно нападаютъ во время перехода аула, иные собираютъ стада, другіе наконецъ рыщутъ для потѣхи, отъ нечего дѣлать; между тѣмъ бѣдныя женщины снимаютъ кибитки, вычатъ верблюдовъ, укладываютъ на нихъ дѣтей и маленькихъ ягнятъ, потомъ и грязью покрываются въ этой изнурительной работѣ; за то, послѣ, наряжаются въ лучшія свои платья, садятся на убранныхъ коней, и длинная вереница верблюдовъ выступаетъ почти подъ прикрытіемъ ихъ однихъ, потому что мужчины, какъ мы уже замѣтили, не любятъ тащиться въ шагъ верблюда; — тутъ-то большею частию налетаетъ лихая баранта прежде чѣмъ всадники соберутся на крикъ и шумъ, отхватываетъ навьюченныхъ верблюдовъ, лошадей, стада овецъ и увозитъ женщинъ.

Послѣ многихъ переходовъ, или, правильнѣе, обходовъ, достигли мы ауловъ Утурали. Каково же было наше удивленіе, когда этотъ Киргизъ, послѣ перваго холоднаго свиданія съ нами, скрылся, и, не смотря на всѣ усилія наши, не смотря на то, что

находился почти безвыходно въ караванѣ, непоказывался намъ. Наконецъ, разъ, въ полночь, онъ взошелъ въ нашу кибитку со всевозможными, предосторожностями. — «Я погибъ, если узнаютъ о моихъ сношеніяхъ съ вами, были первыя слова его; Науманъ (Хивинскій посланецъ) сторожитъ насъ, и моя безусловная преданность Россіи возбуждаетъ давно его подозрѣнія.» Я отдалъ Утурали письмо отъ султана — правителя Юсупа и требовалъ искренняго и рѣшительнаго совѣта относительно своего положенія.

Утурали сомнительно покачалъ головой. Это былъ старикъ лѣтъ 75, бодрый и здоровый, съ нависшими сѣдыми бровями, съ чертами лица общими «черной кости,» но выказывавшій свое внутреннее достоинство обращеніемъ важнымъ и какою то самоувѣренностію въ словахъ. Онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ Русскаго правительства, имѣлъ отъ него двѣ медали, и не смотря на свое сильное вліяніе на Киргизовъ, держался между правительствами Хивинскимъ и нашимъ, не возбуждая противъ себя ни ненависти своихъ, ни подозрѣнія сосѣдственныхъ властей, изъ которыхъ одной платилъ онъ поголовной податю, а другой истинною, хотя малополезною преданностію. Эта двойственная роль, извиняемая его настоящимъ положеніемъ, свидѣлствуетъ о его умѣ и ставитъ высоко между Киргизами. Впрочемъ, политическая жизнь Утурали еще не

кончилась, и будетъ чудо, если онъ не испытаетъ превратности судьбы на своемъ скользкомъ пути. (*)

«Пока въ моемъ аулѣ, вы безопасны, сказалъ онъ, никто не захочетъ нажать себѣ пожизненной вражды моей и моихъ дѣтей; но только оставите аулы, я неручаюсь болѣе ни за что.» Вѣдь мы умѣли отстаивать себя до сихъ поръ, отвѣчалъ я. — «Потому что не было дружнаго нападенія, потому что вы были недалеко отъ своихъ укрѣпленій и имѣли подъ рукой нѣсколько преданныхъ себѣ старшинъ: но чѣмъ вы болѣе станете удаляться отсюда, тѣмъ положеніе ваше будетъ сомнительнѣе. Съ Науманомъ идетъ въ Хиву на службу нашу молодежь, безначальная и буйная; ей будетъ весело сослужить хану первую службу и представить ему васъ, а еслибы nedостало для этого нашихъ Киргизовъ, то въ аулѣ Джингази, котораго вы встрѣтите, найдется довольно удалцовъ на такое дѣло. На караванныхъ людей и на Бухарскаго эльчи (посла), какъ вы видѣли, вамъ нечего надѣяться; при первомъ появленіи вооруженнаго всадника, они скроются въ своихъ джумухахъ, какъ было въ ту пору, когда окружала васъ шайка Акмана.»

— Въ такомъ случаѣ надо тайно оставить караванъ и однимъ прокрасться въ Бухару: ты ко-

(*) Угурали получилъ чинъ хорунжаго, за его содѣйствіе въ нашемъ дѣлѣ.

нечно добудешь намъ хорошихъ жожаковъ, а можеть и самъ захочешъ насъ проводить.

«Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно, этого небудеть; у каждаго колодца на Кизиль-кумѣ сидятъ Киргизы, преданные Хивѣ, и птица не пролетитъ, непримѣченная ими; а если-бы вы и миновали ихъ, то какъ вамъ избѣжать Хивинцевъ, которые сторожатъ на всѣхъ трехъ путяхъ между Сыромъ и Куванью. Съ правой стороны стоитъ Бабаджанъ съ 300 Хивинцевъ и Каракалпаками, на полдень, прямо, Туджа-Ніазъ съ 350 человекъ, большею частию Туркменовъ, а на восходъ солнца самъ Веизъ съ Хивинцами и цѣлою ордою преданныхъ имъ Киргизовъ. Думаете ли, что Науманъ не далъ имъ знать о томъ, что вы идете въ Бухару, и не станетъ слѣдить васъ на побѣгѣ? Нѣтъ, по моему лучше прямо ѣхать въ Хиву, чѣмъ дѣлать этотъ обходъ, а еще лучше предаться волѣ Божіей и ожидать отъ нея рѣшенія своей судьбы.»

— А по моему не такъ, отвѣчалъ я съ досадою, и прежде чѣмъ попаду въ Хиву, испытаю всѣ средства, чтобы избавиться отъ нея. Я призвалъ тебя за тѣмъ, чтобъ ты помогъ намъ, или, покрайнея мѣрѣ, подалъ мудрый совѣтъ въ этомъ дѣлѣ; а если бы мнѣ нужно было учиться вашей вѣрѣ въ предопредѣленіе судьбы, то я послалъ бы за муллою и не вводилъ бы тебя въ напрасный страхъ, подпасть въ немилость Наумана, которому

вы здѣсь держите стремя, когда онъ садится на лошадь,

«Мудры твои рѣчи, но и въ моихъ есть смыслъ; скорѣе Науманъ станетъ держать стремя моего сѣдла, чѣмъ я его.»

— Утурали, время дорого, сказалъ я рѣшительно, хочешь ли ты доказать преданность свою Россіи, хочешь ли быть полезнымъ намъ? вспомни, я писалъ съ Мамбетомъ, что мы вполнѣ предались тебѣ, и что спасеніе и гибель наша падесть на тебя.

Я забылъ сказать, что за нѣсколько дней до этого, собравъ довольно положительныя свѣдѣнія о движеніи войскъ Хивинскихъ на Акъ-булакское укрѣпленіе и о положеніи дѣлъ въ самой Хивѣ, я рѣшился извѣстить обо всемъ Корпуснаго Командира, который, съ отрядомъ войскъ, былъ уже, по моему расчету, на пути около Бишъ-тамака. Съ этими свѣдѣніями послалъ я Мамбета, какъ единственнаго человѣка, на вѣрность котораго могъ положиться, хотя присутствіе его при мнѣ было не только полезно, но почти необходимо, а поѣздка его была не безопасна. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ Киргизы узнали о его отбытіи: поднялась тревога, изготовилась погоня, но было поздно: Мамбетъ былъ далеко. Аулы боялись, чтобы онъ не навелъ на нихъ Русскій отрядъ, и въ этомъ страхѣ оставался самъ Утурали, а потому слова мои сильно взволновали

его: старикъ нѣсколько задумался и потомъ началъ:

Оставить караванъ надобно непременно; но куда идти? На Оренбургъ далеко, и нельзя обойтись на пути безъ верблюдовъ, а съ ними не уйдешь отъ погони; на Орскъ — надо проходить опять аулы Акмана: кромѣ того вы можете попасть на шайку Кенисары, или его тестя; на Чушка-куль (Акъ-булакъ) и думать нечего: теперь навѣрное Хивинскіе отряды заняли всѣ перепутья къ нему, а можетъ смѣнили Русскихъ и въ самомъ укрѣпленіи; на Эмбу (*) всего бы лучше и почти ближе, но туда и погоня будетъ всего скорѣе: рѣшайте сами, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я рѣшилъ, былъ мой отвѣтъ. Остается найти вожатыхъ.

Утурали неспрашивалъ, какой путь я избралъ, постигая всю важность тайны. «Вожатаго нечего далеко искать, сказалъ онъ, я дамъ вамъ своего любимого сына, Ніаза, вы его знаете, пускай умретъ тамъ, гдѣ умрете вы; этимъ онъ докажетъ и благодарность свою къ вамъ и преданность отца вашему правительству.» Я понималъ всю святость такого пожертвованія и не расточалъ благодарности, которая во всякомъ случаѣ была бы ниже своего предмета.

(*) На Чушка-куль и Эмбу были временныя укрѣпленія военной экспедиціи, дѣйствовавшей противъ Хивы.

Разговоръ склонился на положеніе Хивы, изъ которой недавно пріѣхали въ аулъ Базарчи, а въ числѣ ихъ одинъ изъ сыновей Утурали. Раздѣляя общее мнѣніе Азіатцевъ о силѣ Хивы, а болѣе о недоступности ея, онъ сомнѣвался въ успѣхѣ нашей военной экспедиціи, говорилъ, что жители въ Хивѣ совершенно спокойны, но въ Кун-градѣ было нѣкоторое волненіе, когда узнали о приходѣ Русскихъ на Акъ-булакъ; теперь же, прибавилъ онъ, и тамъ все утихло, потому что ханъ послалъ лучшаго своего военачальника и самаго любимаго человѣка, извѣстнаго батыря, (я забылъ его имя) съ сильнымъ отрядомъ Туркменовъ и Хивинцевъ на Акъ-булакъ, строго наказавъ истребить весь гарнизонъ и скрыть укрѣпленіе, или засѣсть въ немъ самимъ, ожидая главнаго отряда Русскихъ.»

И ты думаешь, что этотъ наказъ также легко выполнить, какъ отдать? спросилъ я.

«Не легко, но Туркмены храбры и отрядъ ихъ великъ, а вашъ гарнизонъ слабъ и въ немъ много больныхъ. Вотъ почему я всего менѣе совѣтовалъ бы вамъ идти въ Акъ-булакъ.»

— Но почему вы знаете о состояніи гарнизона въ Акъ-булакѣ, когда никто изъ вашихъ не былъ въ немъ?

Вѣсть — залетная птица въ Киргизской степи; она кружитъ по ней во всѣ стороны, переносится изъ аула въ аулъ, въ бѣдную юрту Киргиза,

скрывающагося въ камышахъ отъ нищеты, холода и насилія, и облетавъ все кочевое племя, перелетаетъ къ осѣдлымъ сосѣдямъ. Жадные къ новостямъ, Киргизы пируютъ пріѣздъ вѣстника какъ дорогаго гостя и потомъ скачутъ въ другой аулъ, раздѣлить новый пиръ и не рѣдко получить отъ хозяина «суэнчу» (*). Рыская по степи для баранты, или высматривая въ свою очередь барантовщиковъ, Киргизъ скрывается гдѣ нибудь въ камышахъ, или за горой, прислушивается по минутно къ землѣ, выглядываетъ малѣйшія подробности, нерѣдко прокрадывается къ самымъ укрѣпленіямъ, проникаетъ во враждебные аулы, гдѣ имѣетъ кого-нибудь изъ друзей или родственниковъ, и возвращаясь домой, привозитъ обильный запасъ разсказовъ, которые, переходя чрезъ тысячи устъ, сохраняютъ удивительную неизмѣняемость.

Во время пребыванія нашего въ аулахъ мы встрѣтили Киргиза, чрезвычайно замѣчательнаго въ кругу своего народа. Онъ возшелъ въ джулumu въсопровожденіи двоихъ товарищей своихъ, и на обыкновенный вопросъ: кто онъ? просилъ не спрашивать объ имени, пока не узнаемъ его лично. Эта таинственность не понравилась намъ, но хитрый Киргизъ умѣлъ искусно вывести разговоръ изъ колеи обыкновенныхъ предметовъ и въ короткое время обнаружить весь свой умъ и кра-

(*) Суэнча — подарокъ за радостную вѣсть.

спорѣчіе, этотъ даръ, по преимуществу, Азіятскаго народа и языка; онъ приводилъ для своихъ доводовъ подлинникомъ тексты корана, толковалъ ихъ не тѣми софизмами и общими мѣстами, которые избиты въ медресе Бухары и Самарканда, но сообразно собственнымъ понятіямъ, выказывавшимъ глубокое изученіе предмета; коснулся нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Оренбургѣ и Петербургѣ; спрашивалъ о перемѣнахъ въ образѣ управленія и хитро умѣлъ привлечь къ себѣ наше любопытство. Разговоръ необходимо долженъ былъ склониться на наше положеніе, и онъ искусно умѣлъ накинуть на него самую мрачную тѣнь,» но Богъ великъ! прибавилъ онъ. Умоляю васъ только объ одномъ: куда бы вы не пошли, что бы ни предприняли, не покидайте меня, соедините съ собою въ одно тѣло, слейте въ одну душу со своей; я пойду съ вами впередъ, пойду назадъ, не смотря на то, что тамъ и тамъ меня ожидаетъ одинакая опасность; останусь здѣсь, и вмѣстѣ съ вами подставляю подъ ножъ свою шею; пошлите одного въ «отрядъ» или въ Оренбургъ съ извѣстіемъ о себѣ, и я поѣду, чтобы потомъ ни было со мною.»

Я слишкомъ привыкъ видѣть обманъ и корысть во всѣхъ поступкахъ и словахъ Азіятцевъ, чтобы вѣрить человѣку, который скрывалъ отъ меня свое имя.

«Я стыжусь своего имени, возразилъ онъ; по

скажу его, хотя бы вы, послѣ, изгнали меня отсюда, какъ собаку.—Стоитъ тебѣ присоединиться къ врагамъ нашимъ, и ты можешь силою войти туда, гдѣ за минуту былъ гостемъ, хотя дорого вамъ обойдется это незванное посѣщеніе, возразилъ я, наскучивъ его безпрестанными метафорами и отступленіями.

«Не взводите на меня новаго преступленія: я много пострадалъ за прежнія. Подумайте только, что я скитаюсь въ степи нѣсколько лѣтъ, безъ родины и безъ пріюта, питаюсь чужимъ кускомъ вдали отъ своей семьи, отъ всего, что мило моему сердцу, — я Мугаметъ Эвтимішевъ.

Мугаметъ Эвтимішевъ, родомъ изъ внутренней Букеевской орды, былъ старшимъ Совѣтникомъ при ханѣ Джангирѣ, безотчетнымъ распорядителемъ въ его домѣ и ордѣ и другомъ его сердца.— Не буду вникать въ причины, понудившія его къ измѣнѣ. Вмѣшавшись въ мятежъ, произведенный въ ордѣ племянникомъ Джангира, Каипъ-Галліемъ, помогавшимся ханскаго достоинства, онъ вскорѣ сдѣлался главою и двигателемъ мятежа; но мятежъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій былъ усмиренъ Русскимъ отрядомъ; Каипъ-Галли былъ схваченъ, а Мугаметъ умѣлъ спастись. Долго спустя, когда Каипъ-Галли бѣжалъ, при его содѣйствіи, изъ темницы Оренбурга и присоединился съ приверженцами своими къ шайкѣ знаменитаго въ то время батыря Исетая, явился и Мугаметъ, ду-

шою и путеводителемъ Исетая, котораго имя гремѣло вездѣ, неразлучное съ разбоемъ, грабежемъ и самой отчаянной отвагой. Его поступки на границахъ Русскихъ истожили терпѣніе нашего Правительства. Посланъ былъ отрядъ въ степь. Онъ настигъ или лучше сказать наткнулся нечаянно, не ждано, на шайку Исетая... дружный залпъ артиллеріи отбросилъ Киргизовъ назадъ. Вскорѣ отрядъ нашъ оправился отъ перваго замѣшательства, напалъ, разбилъ нестройную толпу и разметалъ остатки ея. Исетай долго прикрывалъ бѣгство своихъ, носясь отъ одной толпы къ другой и метая безпрестанно стрѣлы въ Русскихъ; онъ слишкомъ надѣялся на своего коня, но сытый конь загорѣлся; тогда Мугаметъ схватилъ подъ устцы его коня и повлекъ за собою, между тѣмъ казаки примѣтили и узнали Исетая: пули градомъ посыпались на него, но онъ оставался невредимъ; тутъ только смекнули наши, что онъ въ панцырѣ, стали мѣтить въ лошадь и скорѣ подстрѣлили ее. вмѣстѣ съ нею упалъ Исетай; Эвtimiшевъ употребилъ послѣднее усиліе, чтобы поднять его и посадить на свою лошадь, но было поздно; — налетѣвшіе казаки изрубили Исетая. — Мугаметъ опять успѣлъ спастись.

Въ общихъ выраженіяхъ, я общалъ Эвtimiшеву довести до свѣдѣнія правительства о его раскаяніи и даже ходатайствовать за него, но уклонялся отъ его услугъ. «Вы открыли мнѣ

двери рая и оттолкнули отъ порога, сказалъ онъ, сомнительно покачавъ головой. Знаю, ваше правительство можетъ меня простить, но только тогда, когда я выкуплю преступленія важною службою Россіи или Русскимъ. Повѣрить ли оно искренности моего раскаянія, если вы сами не вѣрите ей, а если и повѣрить, то возвратитъ ли мнѣ за эту плату, слишкомъ для него ничтожную, мою родину. На васъ была вся моя надежда! Уже представлялись мнѣ роскошные берега Волги, и моя кибитка, уже видѣлись мнѣ мои жены, дѣти: всѣ собрались вокругъ меня... Мугаметъ говорилъ восторженно, закрывъ глаза и едва переводя дыханіе. Чтобы переменить разговоръ, я обратился къ другому Киргизу и спросилъ его, такъ ли пламенно желаетъ онъ вернуться на свою родину? Онъ молчалъ; я взглянулъ на него пристальнѣе, и при слабо мерцающемъ огонькѣ увидѣлъ крупныя слезы на глазахъ его. Боже правды, неужели это притворство! Неужели это не искреннее, глубокое чувство! Я волновался сомнѣніемъ. Какъ бы угадывая мои мысли, Мугаметъ сказалъ: вы боитесь меня, какъ ножа: я ножъ, только не обоюдо острый, и буду полезенъ въ рукахъ того кто умѣетъ управлять имъ.

Оставить его на жертву раскаянія, если оно чистосердечно, было бы грѣшно; вѣрится ему, избрать своимъ вожатымъ, было бы безразсудно. Между тѣмъ надобно было дать рѣшительный

отвѣтъ. Я приказалъ ему пріѣхать въ 10-ть часовъ вечера, для того, прибавилъ я, чтобы не замѣтили въ караванѣ нашихъ частыхъ сношеній. «Прикажете пріѣхать одному, или съ товарищами?» спросилъ онъ съ покорностію. — Одному.

Настала ночь нашего отъѣзда, — Эги не было видно, такъ темна и буранна была эта ночь: все намъ благопріятствовало, а вожатый не являлся.

Пріѣздъ Мугамета былъ замѣченъ сторожившими насъ Киргизами, но онъ не могъ навлечь на насъ ихъ подозрѣнія, потому что Мугаметъ извѣстенъ былъ своими преступленіями противъ Россіи.

Лошади всегда оставались на ночь у прикола, вокругъ кибитки, а потому и это обстоятельство не могло возбудить подозрѣнія; въ кибиткѣ казаковъ, прикрытой небольшимъ возвышеніемъ, не раскладывали огня, чтобы свѣтъ его, пробившись въ отверстія кошомъ, не могъ открыть поля нашего дѣйствія: беспокоило насъ нѣсколько то, что Арасланъ, съ батыремъ Исетомъ, ночевалъ въ караванѣ, а намъ извѣстна была дружеская связь Мугамета съ послѣднимъ. Это обстоятельство, можетъ быть случайное, наводило на него тѣнь подозрѣнія въ нашемъ умѣ, настроенномъ къ недоувѣрчивости.

Время текло; нетерпѣніе наше возрастало; минуты длились часами. Напрасно выходили мы безпрестанно изъ кибитки: не слышно было конскаго топота;

вожатые не являлись; только слова «карабъ-утырь» (*) раздавались протяжно и неумолкну вкругъ каравана, да кое-гдѣ, въ кибиткѣ, клики пирующихъ. Тебѣ некуда ѣхать ночью, сказалъ я, обращаясь къ Мугамету, ночуй съ нами. Тутъ впервые закралось въ него сомнѣніе. Онъ зналъ, что мы послали Мамбета въ отрядъ и, замѣчая наше нетерпѣніе, думалъ, не ждемъ ли мы Русскаго отряда и не хотимъ ли предать его.—Если черная мысль взволновала тебя, сказалъ я, сотвори молитву, возьми къ себѣ эти заряженные пистолеты и ложись между нами. — Эвтимишевъ успокоился.

Было около полуночи; вдругъ передняя кошма зашевелилась, приподнялась, и изъ-за нея показалось таинственно Киргизское лице, озирающееся кругомъ: это былъ Нiazъ, сынъ Утурали, нашъ вожатый! Мигомъ все было готово. Оставалось сказать караванъ-башу и послу о своемъ отъѣздѣ и поручить имъ нѣкоторыя вещи, хотя мы очень сомнѣвались въ томъ, чтобы онѣ были когда либо доставлены намъ; эта мѣра была однако необходима, чтобы показать совершенный произволъ нашего отъѣзда.—Посолъ Бухарскій совершенно одобрилъ нашу рѣшимость, но только боялся за насъ, и умолялъ меня убѣдить наше пра-

(*) *Сиди и гляди*, или *сидя гляди*,—это откликъ караванныхъ часовыхъ, соответствующій нашему «слушай.»

вительство выслать для охраненія его отрядъ, какъ будто это легко было сдѣлать. Не такъ было съ караванъ-башемъ; если бы къ нему явилась тѣнь его отца, онъ не былъ бы такъ пораженъ, какъ при моемъ появленіи и особенно при извѣстіи о нашемъ внезапномъ отъѣздѣ! И было отъ чего придти въ ужасъ! Что сдѣлаютъ съ нимъ а пуще съ его товарищами въ Хивинской таможенѣ, гдѣ онъ думалъ окупить весь караванъ выдачею насъ! Теперь всѣ его планы разрушились. Онъ было попытался поколебать меня; но видя, что всѣ усилія въ этомъ случаѣ были напрасны, унижительно просилъ забыть о томъ, что было, увѣрялъ въ своей безпредѣльной ко мнѣ покорности, называя себя моимъ рабомъ и проч. На все это, я ему шепнулъ, что если онъ встанетъ съ постели до утра, не только что заикнется кому сказать о нашемъ отъѣздѣ, то... горе ему! его стерегутъ въ эту ночь преданные намъ люди.

Возвратясь къ себѣ въ кибитку, я обратился къ Мугамету: Мы ѣдемъ! Если твое раскаяніе, твоя къ намъ преданность искренны, ступай съ нами и раздѣлай нашу участь. «Когда же мы ѣдемъ?» спросилъ онъ.—Сію минуту: лошади осѣдланы и все готово. «Куда?» — Узнаешь послѣ. — «Но у меня плохая лошадь», возразилъ онъ. — Падетъ, дадимъ заводную. «А гдѣ возьму я пишу?» — Станемъ кормить тебя. — «Я вашъ душою и тѣломъ, сказалъ онъ, простирая ко мнѣ руку; для

вась я оставляю своего товарища, котораго люблю какъ сына, для котораго я былъ отцомъ. Вы не забудете его, если ваши обстоятельства къ лучшему.»—Онъ позвалъ Киргиза Чеку, который оставался при нашихъ вещахъ, и поручилъ ему сказать своему товарищу, что бы онъ ждалъ его, ждалъ лучшихъ дней въ аулѣ Исета. — Горько плакалъ Чека, разставаясь съ нами: бѣдный, онъ предвидѣлъ свою участь.

На коня!—Фырканье лошадей и мельканіе тѣней на горизонтѣ были замѣчены сторожившими насъ Киргизами: они подняли тревогу; надобно было торопиться; шумъ и суматоха увеличились: сбѣжались зрители и дѣйствовали, но въ совершенной темнотѣ не знали куда обратиться, какъ преградить намъ путь. Мы отправились, и на топотъ коней раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Крупной рысью пронеслись мы съ версту и оставивъ позади себя погоню, крикъ и проклятія,—остановились, чтобы привести въ порядокъ нашъ отрядецъ, состоявшій изъ 14-ти человѣкъ: каково же было наше пораженіе, когда, по счету, одного не оказалось. Сначала я думалъ, что не было Мугамета, но онъ отклинулся на зовъ; стали всматриваться въ лицо каждаго: не было переводчика! — Я послалъ Мугамета отыскивать его вокругъ каравана, и вскорѣ Мугаметъ явился съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Что было дѣлать? Кинуть его на жертву ожесточенной толпы, не попытавшись да-

же исторгнуть изъ нея, было незаконно и невозможно по многимъ отношеніямъ; ѣхать назадъ... Еще разъ послалъ я Мугамета, развѣдать въ караванѣ объ участи потерявшагося.

Рѣзкій буранъ сѣкъ насъ прямо въ лице. Лошади, испуганныя перестрѣлкой и темнотою ночи, фыркали и рвались; погоня, казалось, попала на нашъ слѣдъ, потому что крики ея стали доходить до насъ. Вдругъ послышался конскій топотъ и, вслѣдъ за тѣмъ, показался всадникъ: это былъ переводчикъ! Испуганная лошадь унесла его было въ сторону: онъ опустилъ поводья и ввѣрился совершенно инстинкту вѣрнаго животнаго; нѣскольکو времени носилъ его добрый конь по степи, пока не заслышалъ фырканья лошадей, съ которыми свыкся, и невредимо принесъ его къ намъ. — Слава Богу! — Камень отлегло отъ сердца... Впередъ! — А Мугаметъ? Некогда было ждать его. Съ тѣхъ поръ я ничего о немъ неслышалъ.

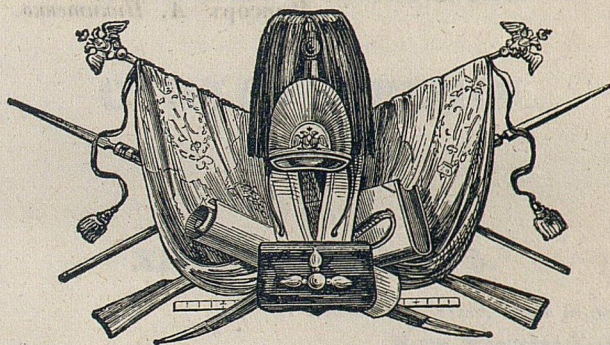
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ № 244.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

П Р О З А.

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ

(Отрывокъ изъ дневника Русскаго офицера, въ Ноябрь 1859 года).

(Окончаніе (*)).

—

Степь представляла точное подобіе безграничнаго, взволнованнаго моря: мы ринулись въ него на борьбу съ буранами, которые могли смести и самый слѣдъ существованія нашего; на встрѣчу съ барантовщиками, этими корсарами пустыни, которые рыщутъ особенно здѣсь, на песчаномъ пространствѣ, отдѣляющемъ Большіе-барсуки отъ нашихъ укрѣпленій; угрожаемые Хивинскими отрядами, преслѣдуемые погонею Карабашевцевъ, мы были на сторожѣ денно и ночью.

Съ разсвѣтомъ погода прояснилась; оба наши

(*) См. предъидущую Книжку.

Киргиза кружили по возвышеніямъ и зорко выглядывали даль. Вскорѣ, старшій изъ нихъ, Куль-Макбетъ, осадилъ коня и пристально, неподвижно, уставилъ въ одну точку свои, изощренные навыкомъ, глаза; къ нему подѣхалъ Ніазъ, а вслѣдъ и мы.»—Барантовщики!»—сказалъ Куль-Макбетъ, указывая на горизонтъ.

— Не Карабашевцы ли?

«Нѣтъ, «чернь» (*) не въ той сторонѣ.

Мы устремили вдаль свои взоры, но не могли ничего отличить; только самые зоркіе изъ насъ примѣтили какую-то рябь на горизонтѣ.

«Вотъ одинъ изъ нихъ ѣдетъ по-одалъ, продолжалъ Киргизъ, прищуривъ глаза, которые онъ не сводилъ съ предмета своихъ наблюденій; вотъ воротился во всю прыть назадъ, къ своимъ: они открыли насъ.» —

— Куда они направляются? спросилъ я.

«Сначала ѣхали по тому же направленію, какъ и мы, а вотъ, теперь, своротили: или боятся или заманиваютъ насъ.»

— А сколько ихъ?

«Очень много, отвѣчалъ одинъ.

«Нѣтъ, возразилъ другой, ихъ не такъ много; они гонять табунъ лошадей.» И между нашими Киргизами завязался споръ.

(*) Прилежащіе къ степи жители объясняютъ этимъ словомъ едва примѣтный, черняющійся вдали предметъ.

«Видишь ли, какъ тихо идутъ они: ясно, что возвращаются съ баранты; кони устали, а отбитые табуны ихъ задерживаютъ.»

«Нѣтъ, они ѣдутъ на баранту и берегаютъ своихъ лошадей.»

«Зачѣмъ они то и дѣло мѣняютъ путь, — видишь, какіе узлы плетутъ по дорогѣ!»

— Нечего терять дорогое время, сказалъ я; ѣдемъ!

Всадники на горизонтѣ скрылись. Мы продолжали путь свой частою рысью, между тѣмъ какъ наши два Киргиза дозорили по сторонамъ. Около полудня, оба они остановились вдругъ, уставили глаза свои по двумъ различнымъ направленіямъ и потомъ съѣхались для совѣщаній. — Какія новости? спросилъ я, видя что Киргизы съ жаромъ разговариваютъ, указывая то въ одну сторону то въ другую.

«Вотъ, не вдалекѣ, утрешніе барантовщики, а тамъ, на право, съ десятокъ другихъ скачутъ во всю прыть въ противную сторону: они приняли насъ за товарищей тѣхъ, и пошли, безъ оглядки, на-утекъ.»

«Постой, сказалъ Куль-Макбетъ, утрешніе-то бойки; они вѣрно открыли тѣхъ, что теперь такъ шибко бѣгутъ, тогда же, какъ и насъ, да сочли ихъ за одно съ нами, а теперь, видишь, догадались и стали смѣлѣе, хоть убавились числомъ.»

— Куда же они дѣлись? спросилъ я.

«Узнаешь послѣ; видишь, сколько тучекъ надъ землей: подъ любой укроются, сказалъ онъ, и поѣхалъ впередъ.

Я не понялъ отвѣта, но некогда было требовать объясненій. Черезъ нѣсколько времени, Ниазъ, ѣхавшій подлѣ меня, взялъ мою руку и на пути указалъ ею въ сторону: на горизонтѣ, подернутомъ темнымъ облакомъ, вдругъ брызнуло нѣсколько искоръ. Наши Киргизы быстро своротили въ сторону.

Куда? спросилъ я. — «Тамъ колодезь, сказалъ одинъ изъ нихъ, пора напоить лошадей.»

— А что значать эти искры?

«Условный знакъ.»

Теперь я понялъ прежній отвѣтъ Куль-Макбета. На безбрежной равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни холма, ни впадины, ни куста, чтобы, укрыться отъ взоровъ и преслѣдованія врага, Киргизъ, выдаваемый за-живо своею неблагодарною землею, ищетъ защиты въ другихъ стихіяхъ: на темномъ не опредѣленномъ пространствѣ нависшей тучи, принимая возможные движенія и уловки, онъ остается не примѣченнымъ другими, или обманываетъ ихъ своими неестественными положеніями. Въ этомъ случайномъ и невѣрномъ убѣжищѣ, онъ часто разговариваетъ со своими товарищами, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ и въ подобномъ же положеніи, посредствомъ условныхъ знаковъ, въ числѣ которыхъ самые употребительные тѣ, которые мы

сей часть видѣли. Нужно однако всю опытность Киргиза и тотъ инстинктъ самоохраненія, которымъ онъ одаренъ въ высшей степени, чтобы усмотрѣть, уловить малѣйшія уловки или условные знаки людей, себѣ подобныхъ, легчайшее движеніе природы, угрожающей его свободѣ или жизни; отъ этой-то непрерывной борьбы съ вѣшнимъ міромъ происходитъ та скрытность и подозрительность, изъ которыхъ исключительно составленъ характеръ Киргиза.

Мы уклонились болѣе и болѣе отъ своего направленія и вскорѣ дѣйствительно достигли колдцевъ, вырытыхъ въ изсякшемъ рѣчномъ руслѣ; эти ложбины не рѣдко встрѣчаются въ степи и служатъ мѣстомъ пріюта и для мирнаго путника и для барантовщиковъ. Напоивъ лошадей, и описавъ нѣсколько круговъ въ степи, мы наконецъ направили коней на свой настоящій путь. По всему видно было что наши Киргизы хотѣли обмануть бдительность своихъ противниковъ: но мы имѣли дѣло съ опытными корсарами этого сухаго моря. Солнце уже склонялось къ западу, какъ вдругъ, вовсе неожиданно, и не далѣе какъ на два ружейныхъ выстрѣла, вспрыгнулъ всадникъ, словно выросшій изъ земли: онъ и бѣлый конь его, лежавшіе на землѣ, и такъ сказать слитые въ одинъ цвѣтъ со снѣгомъ, до того времени не были примѣчены нами. Всадникъ кинулся стрѣлой въ сторону, и наши испуганные Киргизы

начали шептаться между собою; не знаю, думали-ль они о бѣгствѣ, но мы болѣе всего страшились того, чтобы не остаться безъ путеводителя въ безконечной пустынѣ? Какъ бы то ни было, а вскорѣ одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что это былъ сторожевой тѣхъ барантовщиковъ, которыхъ мы уже видѣли два раза, и что прочіе Киргизы скрываются гдѣ-нибудь очень близко и конечно не замедлятъ напасть на насъ. Мы остановились и, поставивъ лошадей въ кружокъ, поручили ихъ тремъ слабѣйшимъ изъ среды насъ; съ остальными стали въ оборонительномъ положеніи. Еще не успѣли мы изготovitъся, какъ изъ-за небольшого возвышенія показались три отдѣльныя толпы людей; въ нихъ было всего за 30 человѣкъ; легкою и ровною рысью приближались они къ намъ и вдругъ разсыпались, какъ брызги отъ брошеннаго въ воду камня, съ гикомъ кинулись впередъ, но съ тою же быстротой отпрянули, увидѣвъ уставленные противъ нихъ ружья. Они вихремъ кружились около насъ, осыпая бранью, и требовали нашихъ лошадей, обѣщая этою цѣною дать намъ пощаду. Наши Киргизы, успокоенные нѣсколько ихъ первымъ неудачнымъ натискомъ и нашею рѣшимостью, отвѣчали имъ также бранью и клялись не только отнять у нихъ лошадей, но захватить ихъ самихъ, отцовъ ихъ и даже дѣдовъ, живьемъ. Они увѣряли что мы только передовые сильнаго отряда, который нѣсколько поотсталъ и

вѣроятно поспѣшить на выстрелы. Конечно, на ту пору, наши вожатые забыли, что мы еще съ утра были открыты и сосчитаны нападавшими на насъ. И дѣйствительно, угрозы ихъ мало подѣйствовали; барантовщики вновь кинулись на насъ, размахивая своими длинными пиками, которыя почти у всѣхъ составляли единственное вооруженіе, и вновь рассыпались. Вскорѣ они потребовали переговоровъ; мы было не хотѣли ихъ слушать, но Нязъ и Куль-Макбетъ утверждали очень убѣдительно, что это было бы противно правиламъ честной баранты и чрезвычайно невѣжливо съ нашей стороны; вслѣдствіе сего вступили въ мирныя объясненія. Двое изъ барантовщиковъ, оставивъ свои оружія, подошли къ намъ съ изъясненіемъ самой глубокой дружбы, объясняя свое нападеніе тѣмъ, что приняли было насъ за Киргизовъ — барантовщиковъ, и утверждали, что чувствуютъ ко всѣмъ Русскимъ неизъяснимую любовь, а между тѣмъ измѣряли взоромъ наши способности къ оборонѣ; эти парламентареры продолжали, что они изъ роду Назаръ, преданнаго Россіи и враждебнаго Карабашевцамъ, которые отбили у нихъ лошадей: въ заключеніе, вызывались, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, проводить насъ до укрѣпленія: обманъ былъ слишкомъ пошлъ, чтобы вдатся въ него, и мы, отклонивъ всѣ ихъ предложенія, сѣли на коней и отправились въ путь.

«Джигить, джигить» сказалъ Нязъ, потрепавъ нѣкоторыхъ изъ насъ по плечу.

— Если бы теперь съ вами было столько вашихъ, сколько было Русскихъ, чтобы вы сдѣлали съ этими барантовщиками?

«Кто надѣялся бы на своего коня, тотъ бы бѣжалъ, а кто нѣтъ, тотъ отдалъ бы барантовщикамъ и коня, и все, что только имѣеть, до рубахи: добрые люди всегда оставляютъ рубаху, если не защищаться противъ нихъ.

— Лучше же умереть въ бою, а можетъ быть еще выйти изъ него съ честью и добычей, чѣмъ умереть отъ голода и холода, оставшись безъ пищи и одежды, замѣтилъ я.

«Въ бою противъ сильнаго страшно, и смерть ближе; а тутъ, можетъ еще и добредешь до ближайшаго аула или добрые люди на тебя набредутъ.»

Этимъ объясняется, отъ чего убійства бываютъ не такъ часты между Киргизами, какъ бы можно было ожидать отъ безпрестанной баранты. Зато, какъ дорого обходится это мнимо-человѣколюбіе тѣмъ, кто имѣеть несчастье испытать его. Сколько разъ встрѣчали мы полунагихъ, отошавшихъ, избитыхъ и изнуренныхъ Киргизовъ, скрывавшихся отъ холода въ сугробахъ снѣга, отъ неприятеля въ камышахъ, и питавшихся лоскутомъ найденной ими шкуры или съ трудомъ добываемыми кореньями. Какъ теперь гляжу я на Кир-

гиза, котораго мы нашли въ камышахъ, помнит-ся, близъ Мугоджарскихъ горъ: нагой, онъ лежалъ свернувшись клубкомъ и закрывши голову свою обѣими руками; полузанесенный снѣгомъ, бѣдный Киргизъ такъ мало походилъ на человѣка, что взглядываясь въ него очень долго, я никакъ не могъ распознать, что это было за существо! Наконецъ, откинувъ его заоченѣлыя руки, мы увидѣли голову, до того покрытую инеемъ, что на ней не было примѣтно лица; только двѣ звѣздочки глазъ его блестѣли ярко и однѣ свидѣтельствовали о человѣческой природѣ. Киргизъ въ правой рукѣ держалъ огниво, въ лѣвой труть, послѣднюю надежду, которая могла исчезнуть только съ жизнью; мы приподняли его недвижимаго; опытные Киргизы, бывшіе съ нами, сказали, что въ глазахъ еще примѣтна искра жизни, и мы взяли его въ кибитку, не смотря на всѣ просьбы Киргизовъ покинуть его: во первыхъ, говорили они, потому что однимъ Киргизомъ болѣе или менѣе—совершенно все равно для нихъ и для насъ, а этотъ же такъ близокъ былъ къ смерти; во вторыхъ, онъ принадлежалъ къ враждебному имъ роду. Мы, однако, возвратили страдальца къ жизни, которой, впрочемъ, онъ не очень обрадовался. За чѣмъ мнѣ ее, говорилъ онъ: идти съ караваномъ нельзя, — убьютъ Чиклинцы; идти въ аулы далеко: опять наткнешься на баранту, опять придется по каплѣ выстрадать

жизнь, опять начинать ту же чашу, которую я допивалъ. На вопросъ мой: долголь онъ былъ въ томъ положеніи, въ которомъ мы его застали, бѣдный Киргизъ отвѣчалъ, что онъ сосчиталъ шесть дней, на седьмой стужа увеличилась, оокстенѣвшія руки не могли воспользоваться огнемъ, единственнымъ благомъ, которое барантовщики большею частію оставляютъ жертвамъ своего грабежа; онъ уснулъ, и долголь спалъ — не помнитъ.

У Киргизовъ есть пословица: «Убѣгающій и преслѣдующій равно молятъ Бога; но Богъ помогаетъ тому, кто убѣгается,» а потому бѣгство даже съ самаго поля битвы не считается большимъ преступленіемъ: только бы умѣлъ уйти.

Ночь наступала; снѣгъ сыпался частыми и крупными хлопьями, а мы все продолжали путь свой; нигдѣ ни пригорка, ни равнины, чтобы укрыться на время ночлега. Наши вожатые часто и сомнительно поглядывали на небо. Наконецъ все стемнѣло. «Надо идти, сказалъ Піазъ, видя наше нетерпѣніе. До Мелюссы не далеко, если угадаемъ выйти прямо на нее.» А тамъ что? Старое русло рѣки. Можно укрыться отъ бурана.»—А развѣ будетъ въ эту ночь буранъ? спросили мы въ нѣсколько голосовъ. — «Какъ знать, что угодно Богу.»

Дѣйствительно, вѣтеръ крѣпчалъ, становился порывистѣе, небо дѣлалось темнѣе и грознѣе...

Поднялся буранъ; не было возможности идти далѣе, и мы принуждены были остановиться на открытой отовсюду равнинѣ. Какая ночь! Джюломы (*) съ нами не было; пытались было развести огонь, но мигомъ разметывало весь кукъ — пекъ собранный съ такими усиліями: съ трудомъ можно было держаться на ногахъ, а между тѣмъ то и дѣло надобно было собирать лошадей, которыхъ разгоняло далеко вѣтромъ. Бѣдныя, онѣ дрожали всѣмъ тѣломъ и сами жались въ кучку, но не могли противустоять всеокрушающей силѣ бурана. О свѣ нечего было и думать: прижавшись другъ къ другу какъ можно тѣснѣе, мы лежали недвижимы, подъ сугробами снѣга, которыми то и дѣло, заносило насъ. — Ревъ и вой доходилъ до насъ глухо, и тѣмъ грустнѣе отдавался въ сердцахъ.

Если этотъ буранъ продлится сутки, другія? были единственныя мысли, занимавшія конечно всѣхъ насъ. Скороли разсвѣтъ? спрашивали мы безпрестанно, какъ будто съ утренней зарею должны были кончиться и наши бѣдствія: но и разсвѣтъ не приходилъ; ночь казалась вѣчностію.

«Свѣтаетъ, воскликнулъ наконецъ сторожевой казакъ, отрывая насъ. — Что буранъ?» Маленько потише.»

Первый взглядъ на небо — и яркая, багровая

(*) Джюлома, походная Киргизская кибитка.

полоса вдоль горизонта возвѣстила намъ, что сильный морозъ смѣнялъ бурянь. Мы отправились.

Верстъ за пять отъ ночлега, мы переѣхали Мелюсу, которую съ такимъ нетерпѣніемъ отыскивали наканунѣ, верстахъ въ 10-ти отъ нея Аксѣй, далѣе Джаинды. Эти сухія рѣкы, хотя онѣ наполняются водою только во время весны, и то не всякой годъ. Характеръ ихъ вездѣ одинаковъ: песчаное дно, на которомъ встрѣчается много окаменѣлостей, особенно изъ рода *Sandium* и глинистые, изрытые бока; въ руслахъ попадаютъ кое-гдѣ колодцы, отрада путника во время знойнаго лѣта; вездѣ природа, лишенная жизни.

За Чаганомъ, на Юго-западъ, начинаются возвышенности, которыя, возставая, гряда надъ грядою, все выше и выше, пересекаются крутыми обрывами и ущельями: ихъ особенное строеніе и ребристый пестаникъ, усеянный окаменѣлостями, убѣдили насъ, что мы достигли предгорій Устьурта. Поднявшись на горный хребетъ, мы увидѣли равнину, лишенную всякаго произрастѣнія, (кромѣ тошаго кустарника и одного рода полыни, которую впрочемъ охотно ѣдятъ верблюды); равнину, покрытую мѣстами солонцами и щебнемъ, состоящую изъ вязкой глины и лишенную большею частію воды: — это Усть-уртъ; на этой то пустынной равнинѣ встрѣтили мы признаки чело-

вѣческой жизни: двѣ три кибитки, низкія, закоп-
тѣлыя, ветхія стлались въ уровень съ землей,
подъ защитой тощихъ кустарниковъ; ужасный за-
пахъ распространялся окрестъ ихъ, возлѣ не бы-
ло ни верблюда, ни даже овцы,—обыкновеннаго
достоянія Киргиза; надъ кибитками не вился
отрадный дымокъ; только протяжный вой сабакъ
нарушалъ безмолвіе и возвѣщалъ о жизни тамъ,
гдѣ смерть пріосѣнила крыломъ своимъ всю при-
роду: здѣсь живутъ Сайгачники, сказалъ мнѣ во-
жатый.

Сайгачники самый несчастный народъ въ степи;
они бѣднѣе и жалче тамошнихъ рыбопромыш-
ленниковъ. Тѣ и другіе бываютъ доведены до
своего состоянія только совершенною нищетой;
пока у Киргиза остается одна овца, онъ кочуетъ
съ нею, онъ счастливъ; но рыбопромышленники
и сайгачники прикованы къ своему мѣсту; для
нихъ нѣтъ кочевки, нѣтъ болѣе радостей въ мірѣ.
Первые живутъ близъ рѣкъ или моря, иногда по-
сѣщаются людьми; но сайгачники ведутъ всю
жизнь свою въ мѣстахъ дикихъ и уединенныхъ,
которыя обыкновенно служатъ путями для сай-
гаковъ, во время общаго ихъ перехода; здѣсь-то,
осенью, Киргизы-промышленники разставляютъ
для нихъ повсюду западни, и во время одной не-
дѣли запасаются на цѣлый годъ мясомъ для пи-
щи и шкурами для своей одежды.

Мы зашли съ Ніазомъ въ одну изъ кибитокъ.

Въ ней было пусто и холодно. Единственный жилецъ ея, старикъ, лежавшій на невыдѣланныхъ шкурахъ и ими же закутанный приподнималъ голову и обнажилъ часть своего тѣла, покрытаго струпомъ и язвами: увидѣвъ насъ, онъ опять закутался и уснулъ. Совершенная апатія въ его взорахъ и поступкахъ показывала ясно, что для него жизнь и смерть — слова ничего не выражающія, ничего не обѣщающія, и что въ нынѣшнемъ своемъ положеніи онъ столько же принадлежалъ первой, какъ и послѣдней. Грустное, стѣсняющее сердце зрѣлище: я поспѣшилъ его оставить.

Лошади уставали подъ нами; едва можно было добиться отъ нихъ крупнаго шагу, вмѣсто частой рыси, которою мы ѣхали до сихъ поръ; по часту тотъ или другой изъ насъ покачивался, вздремнувъ на лошади. Вдругъ Ніазъ остановился и неподвижно устремилъ взоры на другаго своего товарища, описывавшаго круги вдали отъ насъ, на одномъ изъ возвышеній: этихъ круговъ было условленное число, и нашъ вожатый радостно закричалъ: «Суюнча, Суюнча!»—Мы доѣхали такъ скоро, какъ только могли, до возвышенія, гдѣ стоялъ Куль-Макбетъ, и устремили взоры по направленію его руки: вдали, вдали на горизонтѣ, синѣлась волнистая полоса, словно иззубренное лезвіе заслуженнаго клинка: то былъ Чушкакульскій лагерь. — Русскіе!
